

Константин Воскресенский

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Константин Воскресенский

**Литературоведческий
анализ стихотворений**

«Aegitas»

2020

Воскресенский К. Д.

Литературоведческий анализ стихотворений /
К. Д. Воскресенский — «Aegitas», 2020

ISBN 978-0-3694-0385-8

Книга посвящена разбору поэтических средств, применяемых Константином Воскресенским в стихотворениях, написанных преимущественно за последние годы. Это практическая поэтика в действии. Книга может быть интересна учащимся старших классов, студентам-филологам, представителям литературных объединений, пишущим стихи, а также всем, кто пытается открыть для себя мир поэзии.

ISBN 978-0-3694-0385-8

© Воскресенский К. Д., 2020
© Aegitas, 2020

Содержание

От автора стихотворений	5
Вступительное слово от литературоведческого эксперта Сергея Сметанина	7
1. Я не фальшивка	8
2. Травит мне душу горечь и хмель	10
3. Молитва	11
4. Я хрупкой гладью небо отражаю	12
5. Жаждет ум познания мира	13
6. Любовь и дружба	14
7. Неиссякаемый родник	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Константин Воскресенский

Литературоведческий анализ стихотворений

От автора стихотворений

Перед Вами невероятно интересная книга-учебник с разбором моих стихотворений литературным экспертом, поэтом Сергеем Сметаниным. Идея создания этой книги возникла в процессе подготовки нами предыдущей книги “Избранные стихотворения”. Процесс изначально предполагался быть тяжёлым и... стал таковым. Наши с Сергеем Егоровичем весовые категории слишком разные...

Я – ведущий инженер по автоматизации с полным высшим техническим образованием и с опытом работы по специальности более 15 лет. Но периодически пишу стихи. Причины для этого достаточно. Во-первых, интерес к этому у меня появился ещё в старших классах. Во-вторых, мне дана некоторая внимательность к: слову, звуку, ритму... хотя рифма не всегда по канонам, но тут скорее лень-магушка. В-третьих, часто только в стихах у меня есть возможность выразиться максимально точно и красиво. Ну и наконец, в-четвёртых, проработав в немецких и французской компаниях на данный момент уже более 12 лет, я очень устал от таких слов, как “добавленная ценность”, “маржинальность”, “энергоэффективность”, “программно-аппаратный комплекс”, “кибербезопасность”, “возврат инвестиций” и прочее – список огромный. Иногда ещё хочется слышать и произносить такие слова, как “солнышко”, “любовь”, “дружба”, “свет”, “весна” и прочее – список не менее огромный. Т. е. в поэзии я словно травинка, пробивающаяся сквозь асфальт современного высокоскоростного шоссе. Дилетант-любитель, не удосужившийся прочитать ни одной книги по поэтике, но нагло залезший с электронными- и аудиокнигами на полки ЛитРес, Amazon, Apple iBooks, Google Play и т. д. Плут, пробравшийся с чёрного входа на музыкальные площадки Яндекс-Музыка, ВКонтакте, iTunes, YouTube и т. д. со своими аудиокнигами с атмосферой.

Другое дело – Сергей Сметанин. Поэт, автор проекта литературного гипертекста, лауреат и вообще – Эксперт с большой буквы в мире Литературы...

Началась долгая и местами нудная работа над формированием сборника “Избранные стихотворения”. Что-то нравилось Сергею Егоровичу, а мне нет. Что-то – наоборот. Дело дошло до финального списка, и, увидев, что туда попали некоторые откровенно слабые стихотворения, я попросил дать по ним аргументацию. Я её получил на примере разбора одного стиха, и этот разбор вызвал у меня мальчишеский восторг.

Как не специалист, простой читатель я был заворожён, удивлён и сильно потрясён, оказавшись за кулисами стихотворения. Как театр, где звучит музыка, есть сцена, реквизит, герои и... закулисы: толкотня, беготня, невероятное напряжение, туда-сюда снуют всякие ассистенты и вообще – нервотрепка жуткая.

Хотелось бы верить, что когда-нибудь эта книга дойдёт до филологических факультетов и опытные литературные специалисты будут рассказывать студентам на примере этих стихов, как правильно писать стихотворения, как нет, а самое главное – почему. “Вот стих инженера Константина. Обратите внимание на... что характерно... особенно удалось... потому что... а вот так делать не стоит... ведь... потому что... поэтому...”.

Даже если этого не случится, книга в любом случае подойдёт всем, интересующимся словом, любопытствующим, возможно, даже искушённым в чтении просто стихотворений и ищущим что-нибудь нестандартное. Это как раз сюда.

Также надеюсь, что эта книга поможет таким же самоучкам, как я, избежать типовых ошибок, с большей ответственностью и уважением приступать к любой работе, лучше понимать предметную область, быть внимательнее к отдельным важным деталям, конечно, не теряя за формальными строгими правилами главной сути спетой и уложенной на полочки мысли или эмоции...

С трепетом и лёгким чувством гордости отдаю себя на растерзание всем желающим, пользы ради, доброй забавы для, и в этом вижу свою поэтическую миссию и реальный личный вклад в Русскую Литературу...

Вступительное слово от литературоведческого эксперта Сергея Сметанина

Идея книги, которую мне предложил Константин Дмитриевич Воскресенский, показалась мне реализуемой, хотя и проблемной. Для меня как редактора, многолетнего руководителя Сургутского литературного объединения «Северный огонёк» значение поэтических средств (инструментов) в литературном творчестве настолько бесспорно, что может служить критерием эффективности любого ЛИТО. Нет интереса к поэтике – нет сообщества начинающих писателей. Есть кружок по интересам.

Уровень критики, основанной на субъективном восприятии (нравится – не нравится) не стоит и обсуждения. Не хотелось бы говорить и о популярной в современной литературной учёбе теме смысла и смыслотворчества как выходе из тупика постмодернизма. На мой взгляд, это не более, чем спекуляция на привычке мыслящего человека искать тень разумного во всём, что произведено людьми и хоть отдалённо имеет отношение к порядку.

День сменялся ночью задолго до того, как на планете Земля появился первый человек. И предыстория литературы имеет многовековую речевую традицию. «Есть речи, значение – смешно иль ничтожно, / Но им без волненья внимать невозможно», – говорил Михаил Юрьевич Лермонтов. Он имел в виду поэзию, проникнутую гармонией созвучий, тем самым благозвучием, которое долгие времена помогало дописьменной речи организоваться и быть почти единственным хранилищем общественной памяти.

С появлением письменности это стало не нужно, литература во многом превзошла устную поэзию. Точно так же, как гипертекст одолевает письменную литературу в наше время.

Но гармония не умерла. Законы её по-прежнему пронизывают не только произведения современных бардов и менестрелей, но и бытовое, и научное речетворчество. Пользуются её законами и современные шуты гороховые – участники различных ток-шоу. По её законам учатся говорить наши дети и внуки. Просто они не осознают этого, не ведают, что творят.

Опыт работы со стихами Константина Воскресенского может распахнуть перед многими то скрытое от досужего глаза и уха богатство, которым полна кухня современной поэзии. Конечно, есть риск того, что посещение этой кухни покажется кому-то слегка отталкивающим: не все любят выращивать и обрабатывать помидоры, как ответил девушке грузин из анекдота («Кушать люблю, а так – нет!»), но есть, подобно ему, их любят почти все.

Будем всё же надеяться на благосклонный приём читателем нашего с Константином Дмитриевичем творческого опыта. Что ведёт пером автора? Что интересного можно увидеть и услышать в отдельном поэтическом произведении? Чего может ждать и на что подсознательно надеется читатель четверостишия или сонета? Ответы на эти вопросы можно попытаться найти в книге, которую Вы уже читаете.

Сергей Сметанин, член Союза писателей России, поэт, редактор.

1. Я не фальшивка

Узнать позволь мне, кто ты есть.
Мечта? Ассоль? Благая весть?

Секрет большой? Игра? Загадка?
Родник святой? Рогалик сладкий?

Как будто здесь, но словно в прятки
Играет ферзь ответом кратким.

Растаял весь, стоптался в ноль,
Но вновь воскрес и жив король.

Как белый лист, кристалл, наливка —
Душою чист. Я не фальшивка...

Зачин стихотворения представляет собой двустопные с чёткой мужской рифмой, "есть" – "весть", выразительной паузой посередине стиха (цезурой), которая ярко подчёркивается внутренней рифмой "позволь" – "Ассоль".

Эпитет "благая" подчёркивает тон, заданный необычной, с точки зрения бытового разговорного языка, перестановкой первых двух слов стиха (инверсией). Это – возвышенная речь с явно романтической окраской.

Созданный таким способом размер строфы идеально поддерживается автором на протяжении всего стихотворения. Это вызывает ожидание особенного, значимого финала, который и дарит читателю последняя строфа, инструментально отданная сравнению:

*Как белый лист, бриллиант, наливка —
Душою чист. Я не фальшивка...*

Душа поэта последовательно сравнивается с вещами, призванными отразить идеал чистоты. Естественно, "белый лист", "бриллиант" ("кристалл" в одном из предварительных вариантов) очень хорошо подходят для заданного началом вещи тона. А "наливка" без эпитетов в ряду перечисляемых символов чистоты звучит вполне естественно.

Разговорная речь заявляет о себе оборотом "стоптался в ноль" практически в центре стихотворения. Но она полностью подчинена динамике и структуре целого.

Название стихотворения, повторённое в финале, приобретает не только смысловую, но и звуковую убедительность.

Главный эстетический вопрос стихотворения задан не в названии. Он формулируется по ходу строфического развития сочетанием эпитетов "святой" и "сладкий", подтягивает на уровень возвышенного романтизма обычные вещи: рогалик и шахматы, упоминает детскую игру "прятки".

Поэт намекает на такой элемент духовной жизни, как красота состязания в одну из известнейших в мире настольных игр. Не буду лишать читателя удовольствия разобрать развитие эпитетов "короля" самостоятельно. Они связаны по звучанию с именем автора, но это не является важным.

Важно сохранение и развития начального вопроса под видом представленного отрывка из шахматной партии. На него так и не даёт ответа это стихотворение, но важно то, что оно гармонично и благозвучно составлено. Уважение по отношению к спрашиваемому рисует лирического героя сложным, развивающимся, несмотря на кажущуюся простоту.

2. Травит мне душу горечь и хмель

Травит мне душу горечь и хмель:
Как мне не думать всё время о ней?

Боль, что тревожит так, – полностью снять,
Нрав её дерзкий понять и принять?

Как в эту бездну не рухнуть опять,
Как, вдруг упавши, подняться и встать?

Как отрешиться, навеки забыть,
Как научиться её не любить?

Как за обман её глупый простить,
Тот, что спокойно мешает мне жить?

Выяснить как мне законы игры,
Выйти на волю из темной норы?

Как разделить на “чужие”, “свои”?
Дайте ответ на вопросы мои!

Анафора «Как» начинает первую строфу и завершает стихотворение. Третья, четвёртая и пятая строфы связаны ею очень крепко.

Стихотворение написано строгим четырёхстопным дактилем, без отклонений и каких-либо вольностей, аллитерировано на "тр-в" – "в-д-р" – "т-р-в" – "т-л-б" – "б-л-т" – "в-т-р" – "д(т) – в-р". Рифма полнзвучная, чёткая, мужская. Исключение только в первой строфе, где она приблизительна и тем как бы подчёркивает взволнованность лирического героя: «хмель» – «ней».

Сюжет стихотворения исчерпывается смятением чувств по поводу кажущегося либо истинного обмана возлюбленной. «Бездна», «тёмная нора» – называет он это горькое и хмельное состояние. Противоречивые намерения от желания навсегда забыть её, до решения «простить глупый обман» разделяет всего один стих (строка). Картина представляется читателем знакомой, искренней и достоверной.

Эпитеты в этом стихотворении содержатся в небольшом количестве, точнее это прилагательные, которые имеют ограниченное художественного значение: помогают организовать стих и не мешают выражению общей мысли.

Особенность данного стихотворения заключается в том, что лирический герой впервые от интимного диалога с возлюбленной или неназванным собеседником переходит к обращению вовне:

Дайте ответ на вопросы мои!

– стих, напрямую обращённый к читателю. Пусть это обращение носит тот же интонационно интимный характер и, по сути, есть разговор с самим собой, но оно уже приобретает оттенок публичности.

3. Молитва

Я так устал... Так безнадежно болен...
Иду на ощупь, словно в полутьме;
Стократ судьбой прострелен и просолен;
Одежда в клочьях, дыры на душе...

От глупых огради меня, Спаситель,
Пороков, грязных мыслей под луной.
В обитель пригласи свою, Учитель,
Водой святой очисти и умой.

Благослови на дальнюю дорогу,
На счастье, на удачу, на любовь,
На мир и возвращение к истоку —
Родиться захотелось чтобы вновь...

Аллитерация «с-т-л» – «с-л-т» – «с-т-р» – «с-т-р» – «с-т-л» – «с-л-т» – «с-т-л» – «д» – «с-т» – «ст» – «с-л» – «д» – «д» – «с» – «с» – «т» – «д» – «л» – «р» – «с-т» – «р» – «д-т-с» – «т-л-с» – «т» пронизывает стихотворение насквозь. Здоровый поэтический инстинкт заставляет автора инвертировать последний стих и вместо возможного «Чтобы родиться захотелось вновь...», имеющего подхват «...ся за...», он пишет: «Родиться захотелось чтобы вновь...», добавляя звуковой подхват «...бы в...». Это говорит о внутренней чуткости к звуковой форме стиха и радуется.

Интонационное ударение на «так» в зачине стихотворение поддержано аллитерацией «г» – «д» в средней, второй строфе и откликается, как «...ток» в значимом слове «исток» финального стиха. Нет необходимости защищать смысловое содержание стихотворения, так как его центральная строфа частично представляет собой авторскую вариацию мудрой сентенции:

«Если Господь хочет наказать кого-то, то он лишает его разума».

Другие мысли и чувства, выраженные в этой молитве, не менее значимы для воссоздания спокойствия в ситуации покаяния и острой жажды духовного возрождения.

4. Я хрупкой гладью небо отражаю

Я хрупкой гладью небо отражаю,
Упавшее с великой высоты.
Собою всё живое наполняю,
Моря и океаны всей Земли.

Я вправе принимать любые формы,
Свободна от навязанных границ.
Земле не устанавливать законы.
Огню моей дорогой не пройти.

Я ветра крепче и грозы сильнее —
Губительна высокая волна.
Проста на вкус и оттого нежнее,
Желанней злата жаждущим меня...

Аллитерация на «бо» – «во» – «ов» в зачине стихотворения, а затем всё более чёткая в середине и торжествующая на «во» в финальной строфе связывает звучание этого загадочного стихотворения в единое целое. Эпитеты «Хрупкой», «упавшее», «великой», «живое» сменяются чуть менее выразительными «любые», «свободна», «навязанных» во второй строфе, и вновь до предела заполняют последнюю строфу.

Торжество выразительности пёстрых и разнородных прилагательных оправдано задачей стихотворения намеренно запутать и развлечь слегка недоумевающего читателя. Реминисценция к спектаклю или известному радиоспектаклю «Принцесса Турандот» – вот что является подспудной сутью этой забавной вещи. Не буду расшифровывать её полностью, пусть это делает сам читатель.

5. Жаждет ум познания мира

Жаждет ум познания мира,
Ищет смысла бытия.
Есть ли толк во мне и сила?
Что есть Мир, и что есть Я?

Что есть сущее на свете,
И зачем хочу всё знать?
И дано ли нам, как детям,
Ребус сложный разгадать?

Прекрасное стихотворение философской направленности, полностью выполняющее задачу, стоящую перед лирикой мысли.

Лаконично и образно представлена одна из основных проблем человеческого разума: решение того, способен ли он адекватно познать действительность или нет.

И совершенно правильно поэт не даёт готового ответа. Единственный эпитет – "сложный" относится не к словам "мир", "свет", "бытие", а к слову "ребус", что внушает реалистичный оптимизм. Стихотворение говорит нам, что по отношению к "сущему" мы "как дети", то есть его познание увеличивается вместе с нами по мере развития и взросления.

Стихотворение благозвучно, ритмически организовано хореем, аллитерировано: "жа" – "аж" – "ищ" – "ыс" – "ис" – "ущ" – "чу" – "ус" – "ож".

Анафора "Что есть", выступает в роли "подхвата" и крепко соединяет обе строфы.

Реминисценция "хочу всё знать" отсылает к серии познавательных мультфильмов 20-го века.

"Есть ли толк во мне и сила?" – очень русская, народная фраза, несущая национально окрашенную интонацию.

Из 27-ми самых распространённых литературоведческих инструментов лирики здесь перечислено девять. Есть некоторая надежда, что всеми ими автор будет пользоваться так же свободно и продуктивно.

6. Любовь и дружба

Тебя так долго не для этого искал —
И мысли нет смутить или обидеть:
Дай к солнцу прикоснуться и увидеть
Твой нежный лик не из магических зеркал.

Поднимем каждый за мечту мы свой бокал:
"Любовь" и "Дружба" – эти игры не наскучат.
Полезному пусть, важному научат,
Кто в жизни смысла главного желал.

"Любовь" и "Дружба" – так похожи эти чувства.
Не спутать их – великое искусство:
Растратили на это мы года.

Режим "Любовь" сменяется на "Дружба",
Но главное сказать успеть мне нужно:
Люблю тебя – и это навсегда...

Аллитерация на «д» – «т» объединяет стихотворение, непритязательно и легко обыгрывающее понятия Любовь и Дружба.

Анафора «Любовь и дружба» связывает название вещи и две его части. Стихотворение на тему этики допускает самые разнообразные трактовки, но, по-видимому, здесь не тот случай, когда надо копать слишком глубоко. Игровая трактовка темы увлекла автора и исполнила необходимую функцию выбранными им несложными средствами.

Важный эпитет, призванный создать не бытовую атмосферу романтического общения, – «магических». Дважды упомянутое «главное» акцентирует строфическую связь первой (четверостиший) и второй (трехстиший) части сонета.

Любовь и Дружба не олицетворены, напротив, они шутливо названы «режимом», что ещё раз указывает на игровой характер целого. Эта метафора позволяет увидеть художественный потенциал автора и демонстрирует то, что связь производственного словаря и литературно-этической лексики может быть органичной. Как обычно автор не даёт готового решения проблемы, предоставляя это сделать читателю.

7. Неиссякаемый родник

Любовь – неиссякаемый родник.
Глоток холодный всё ожёг внутри.
Умом я понимаю, что тупик...
Тоскующее сердце не кори.

Каких бы в жизни ни достиг высот,
Куда б ни завела меня судьба,
Урезать небеса прошу свой срок —
Не вижу смысла в жизни без тебя.

Позволь мне на прощанье пожелать,
Что только на Земле желать возможно:
Детей родных достойно воспитать,
Дышать легко, свободно, бестревожно...

И нет тебя – ты словно умерла.
Остался я без света и тепла.
За всё, за всё перед тобой я каюсь.
Ты сладкий сон – от сна я пробуждаюсь.

Начало стихотворения аллитерированное на "ло" – "ро" – "ло" – "ло" – "ор", особенно чётко в первых двух стихах (строках) вводит нас в конфликт души.

Выведенное в ряд зарифмованных слово "тупик" звучит сильно и весьма тревожно.

Эпитет "тоскующее" по отношению к сердцу звучит очень убедительно. В самом деле, осознание чувства тупика после глотка из родника любви, пусть и холодного, значит полное расстройство чувств.

Содержание стихотворения противоречиво, что свидетельствует о глубине переживаний лирического героя. Он предельно чётко понимает взаимоисключающие вещи: свойство родника быть вечным и невозможность пользоваться им. В мужских стихотворениях о любви не редкость – сочетание такого рода свойств, оно и понятно: сильные чувства привносят в сознание много лишнего и мешают разуму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.